

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ НА БЫТ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ И ПРИМОРЬЯ*

Юлия Викторовна АРГУДЯЕВА,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

E-mail: argudiaeva@mail.ru

В статье рассматривается влияние русской православной церкви на повседневный быт коренных малочисленных народов на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в. Характеризуется роль христианизации в развитии новых видов хозяйственной деятельности, заимствовании абorigенами отдельных черт материальной и духовной культуры русских в изменении семейного быта и семейной обрядности, создании школьного образования.

Ключевые слова: Православная церковь, христианизация, юг Дальнего Востока, миссионерство, коренные народы, русские, повседневный быт.

The influence of the Russian Orthodoxy on the mode of life of the aboriginal peoples of Priamurye and Primorye. Yu. V. ARGUDYAEVA.

The Russian Orthodoxy impact on the south of the Russian Far East aboriginal population way of life in the second half of the 19th — the early of the 20th cc. is covered in the article by Doctor of Historical Sciences Yulia V. Argudyaeva “The Russian Orthodox impact on Priamurye and Primorye aboriginal population way of life”. Adopting Christianity by natives caused new economic activities, taking of some Russian material and mental culture’s features, modifications in family life ceremonies, making of school education. (The article is supported by Presidium of the Russian Academy of Sciences (project code 09+П25-01).

Key words: the Orthodox church, converting to Christianity, the south of the Far East, missionary work, indigenous peoples, mode of life.

Русское православие стало проникать в южные районы дальневосточного региона с XVII в. В отрядах первых землепроходцев в восточные пределы России уже находилось духовенство, и в Албазине был основан монастырь. Распространение христианства среди коренных народов осуществлялось через миссионеров. После Нерчинского договора 1696 г. оно ограничивалось территорией верхнего Приамурья, где проживали эвенки, дауры и группа нанайцев.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президиума РАН. Код проекта 09-1-П25-01.

Особенно усилилась миссионерская деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX в. после присоединения южной части Дальнего Востока к России. Вместе с экспедициями, партиями переселенцев на территорию Приамурья и Приморья стали прибывать православные священники, которые стремились крестить аборигенов. Одновременно здесь распространялось положение о порядке предоставления крестившимся льгот: инородцы освобождались от платежа ясака немедленно по принятии ими святого крещения. Распространение христианской веры преследовало цели не только русификации местного населения, но также идеологическое закрепление воссоединения южной части Дальнего Востока с Россией. Сделать это было возможно и через преобразования повседневного быта коренных народов Приамурья и Приморья. Выполняемые в значительной степени православными миссионерами, они в большей степени коснулись хозяйственного уклада, материальной культуры, социальной организации, образования, в меньшей — религиозных воззрений.

Для распространения православия архиепископ Камчатский Иннокентий Вениаминов предложил создать на Амуре особую миссию. Он писал в Синод: «Амур для нас то же, что для европейцев Ю. Америка или Соединённые Штаты. Весь излишек народонаселения давай на Амур, который в состоянии прокормить и обогатить миллионы... Со временем, когда население Амура увеличится (а это будет непременно и на долгом времени), то на нём, по пространству мест, должно быть не менее двух кафедр — одна Камчатского архиерея недалеко от устья Амура вблизи Уссури, а другая в Благовещенске»¹. В 1856 г. Синод принял постановление об учреждении Амурской миссии. Первоначально христианизация коренных народов проходила медленно. В 1864 г. было крещено только 34 нанайца (гольда)². Не хватало священников. В частности, в 1860-е гг. семидесятилетнему Иннокентию Вениаминову самому пришлось ехать к нанайцам и там проповедовать вероучение³.

Одним из первых миссионеров на Амуре стал А. М. Протодияконов. В 1865 г. он начал крещение нанайцев в районе с. Болонь и за год окрестил 36 человек. Чтобы находиться поближе к новокрещёным, в селе Болонь был построен дом для священника, начато возведение церкви, заложен фундамент будущей миссионерской школы⁴. Для успешной христианизации аборигенов в Приамурье и Приморье создавались специальные подразделения — станы. Большинство из них были открыты в 1860—1880-е гг. В 1864 г. на Амуре уже существовало три стана: Верхнеамурский, Среднеамурский, Нижнеамурский, а в 1870 г. — Южно-Уссурийский. Первый из них обслуживал верхнеамурских и правобережноамурских нанайцев, Среднеамурский стан — амурских нанайцев; Нижнеамурский — нивхов, ульчей и отдельные группы живущих среди

них нанайцев; Южно-Уссурийский стан — корейцев и уссурийских нанайцев⁵. К концу 1899 г. в Приамурье действовало уже 17 станов⁶.

Деятельность миссионеров не всегда шла успешно вследствие незнания особенностей хозяйства, быта, обрядов, обычаев, особенно языка местных палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских народов. Были и другие сложности. Прежде всего миссионер совмещал свою деятельность со службой приходского священника, что не позволяло ему посещать аборигенов в то время, когда они находились дома. Гольды, например, ведя полубродячий образ жизни, связанный с особенностями хозяйственной деятельности, не всегда бывали в местах их постоянного обитания. Священнику, жалование которого было довольно скромным, чтобы не голодать зимой, приходилось во время рунного хода лососёвых вместе с остальными жителями запасаться рыбой. В период с 1 ноября по 10 марта гольды-мужчины уходили на охоту, дома оставались только женщины с детьми. С 10 марта до апреля миссионер делал первый объезд миссии на собачьих упряжках. В мае он совершал объезды стойбищ, но в этот месяц они прерывались частыми богослужениями по случаю различных церковных праздников. В летние месяцы (июнь, июль, август) гольды разъезжались по многочисленным амурским протокам на рыбную ловлю и найти их шалаши было трудно. В сентябре начиналась осенняя путина. Лишь в ноябре священник вновь мог объезжать стойбища.

Посещая стойбище, священник-миссионер сам (если знал язык аборигенов) или с помощью переводчика, нередко в присутствии сопровождавших его крестьян служил водосвятный молебен, учил всех правильно изображению на себе крестного знамения с произношением кратких молитв «Во имя отца...», «Господи, помилуй мя грешного...» и др., проводил беседы о преимуществе христианства перед язычеством, необходимости отпевания умерших, о грехе поклонения идолам, шарлатанстве шаманов, таинствах (крещении, покаянии, причастии, браке), о предстоящем христианском празднике; давал советы по огородничеству, скотоводству, постройке дома, хлебопечению и другим насущным вопросам жизни. В стойбище он непременно совершал различные требы: крестил, отпевал умерших и т.п. Здесь же разрешались различные споры и недоразумения, давались советы, записывались просьбы, которые были вне компетенции миссионера (впоследствии они передавались по назначению).

Аборигены обращались к миссионеру с самыми различными вопросами и просьбами. По рассказам священника-миссионера Горинского стана Иннокентия Мефодьева (начало XX в.), даже приносили сапоги и просили показать, как их исправить. «Домой придёшь, — вспоминал он, — та же история. Один просит: пиши, батюшка, письмо, чтобы мне послали хорошее ружьё, другой просит выписать швейную машину, третий — исправить часы и т.д. Приедет пароход с мукой или торговый баркас, гольд

опять к миссионеру с просьбой: помогай, пожалуйста, мне купить»⁷. Здесь же, в стойбище, священник-миссионер проверял знания молитв, арифметики, чтения и письма по-русски учившихся в миссионерской школе детей аборигенов.

Он оказывал и медицинскую помощь, что было необходимо для населения, практически лишённого медицинского обслуживания. Каждый миссионерский пункт был снабжён аптечкой. С начала XX в. Благовещенский комитет Православного миссионерского общества стал отпускать от 100 до 400 руб. ежегодно для приобретения походных аптечек, ими снабжали и школы. Несмотря на недостаточное количество средств, отпускаемых на медицинские нужды, миссионеры делали доброе дело и всеми способами боролись с эпидемиями и «болезнями среди нанайцев». Они одними из первых стали прививать вакцину против оспы, дифтерита, тифа и других заразных болезней⁸, стремясь предотвратить их распространение и увеличить доверие аборигенного населения к христианской вере. Эта деятельность миссионеров произвела впечатление даже на шаманов и подорвала доверие к ним. Да и сами шаманы (Котунка в Доле-Троицком стане, Бикочи — в Вознесенском) явились к миссионеру за медицинской помощью. На вопрос, почему они не прибегают к своему искусству, отвечают: «Эх, худо! Ничего не помогает»⁹.

В начале XX в. обращения за лекарствами, по свидетельству очевидца, исчислялись сотнями¹⁰. По мнению руководства Камчатской епархии, медицинская помощь коренным народам Дальнего Востока во многом «..способствовала восстановлению желательных отношений между пастырем и пасомыми. Лечение — важнейшее средство войти в доверие к народу и заслужить его расположение. Больные, открывая свои язвы телесные, открывают часто и духовные»¹¹. Прилежный миссионер, если он знал язык аборигенов и имел определённые познания в медицине, вскоре становился незаменимым не только для крещёных, но и для некрещёных нанайцев.

Особенно успешной среди нанайцев была деятельность священника Среднеамурского стана А. Протодьяконова. В 1869 г. за один только месяц он окрестил 104 нанайца¹², в 1870 г. — 142. Этому способствовала эпидемия оспы. Население оз. Болонь будучи не в состоянии бороться с болезнью средствами народной медицины, не получая помощи и от своих шаманов, обратилось к миссионеру А. Протодьяконову. Он устроил крестный ход с иконами «...окропляя святой водою юрты, всю домашнюю утварь, рыболовные снасти, неводы и сети»¹³, одновременно делал прививки против оспы. Ещё большего успеха ему удалось достичь среди нанайцев в 1873 г., когда окрестил 451 чел.¹⁴ Даже некрещёные нанайцы, отправляясь на охоту или рыбную ловлю, заходили к нему отслужить молебен или, по крайней мере, принять благословение в надежде на успех в промысле¹⁵.

Отмечена роль православия в переходе коренных малочисленных народов Приамурья и Приморья к осёдлому образу жизни через земледелие (преимущественно огородничество) и скотоводство. Навыки огородничества миссионеры, священники прививали местному населению наряду с русскими крестьянами и учителями. Старший амурский миссионер Г. Вениаминов 14 января 1857 г. в рапорте военному губернатору и командиру портов Тихого океана писал: «Самагирцы и негидальцы, по моему мнению, народ крайне услужливый, гостеприимный, честный и весьма недалёк в своём желании улучшить свой быт разведением скотоводства и огородничества»¹⁶. А через семь лет нанайцы вблизи Хабаровки уже «...садят в небольшом количестве картофель, капусту и табак»¹⁷. Больше успевали в этом деле нанайцы р. Уссури, которые жили среди русского населения и имели возможность перенимать опыт крестьян и казаков. Так, командир Уссурийского пешего батальона Амурского казачьего войска обратился с рапортом от 26 июня 1865 г. к военному губернатору Приморской области Восточной Сибири с просьбой поощрить стремление «инородцев» к хлебопашеству и наградить орудиями сельскохозяйственного производства гольда Джилеме, который обработал на быках и сохой 2,5 десятины земли и имеет хороший огород¹⁸. Известный общественный деятель князь П.А. Кропоткин, служивший в 1862—1866 гг. в Амурском казачьем войске, отмечал, что некоторые нанайцы на Уссури пахали при помощи сохи, используя в качестве тягловой силы собак¹⁹.

Много труда приложил миссионер А. Протодияконов, чтобы научить нанайцев, живших на берегу оз. Болонь, выращивать огородные культуры²⁰. Огородничество и хлебопашество он предлагал ввести в число мер, направленных на улучшение быта народов Амура. Для закрепления навыков земледелия необходимо было, по его мнению, поселить среди нанайцев крестьян (нанайские стойбища стояли особняком от русских сёл. — Ю.А.), для которых эта отрасль хозяйства являлась обычным занятием. В таких условиях малые народы Приамурья «...скорее сделаются домохозяевами, привыкнут к оседлости и к земледельческим занятиям»²¹.

На собранные пожертвования для развития земледелия у аборигенов миссионеры приобретали сельскохозяйственные орудия и раздавали их крещёным²². Но привить земледелие или хотя бы огородничество на первых порах не удалось. В отчёте Амурской духовной миссии за 1876 г. подчёркивалось, что в Среднеамурском нанайском стане «...миссионер старается ввести между ними огородничество, но пока без всякого успеха»²³.

Русская администрация поощряла занятия аборигенов огородничеством и способствовала их развитию. В течение ряда лет по её распоряжению в поселения нанайцев, нивхов и ульчей весной безвозмездно завозили семенной картофель и необходимые орудия труда²⁴. Не отставали в этом деле и миссионеры. В Доле-Троицком стане в 1881 г. миссионер

Ф. Пляскин на собственные средства купил семена брюквы, капусты, до 30 пудов картофеля и раздал крещёным нанайцам, которые осенью получили богатый урожай²⁵. Постепенно усилия миссионеров стали приносить успех. Нивхи из стойбищ Сидохи и Больба в 1896 г. уже выращивали картофель, который служил им большим подспорьем в питании²⁶. В нанайских деревнях Найхин, Елида, Дален и др. кроме картофеля аборигены выращивали морковь, свёклу, огурцы, капусту²⁷. С. Тихвинский в 1901 г. сообщал: «Огородничество плохо прививается, хотя гольды любят овощи, но ухаживать за огородом не любят и не умеют»²⁸. К этому следует добавить, что шаманы запрещали нанайцам копать землю, чтобы не попасть в подземный мир. Однако новое постепенно входило в жизнь. У отдельных нанайцев в сёлах Халане, Найхине, Елабуге, Гассе в конце XIX в. имелись хорошие огороды²⁹. Миссионеры старались привить любовь к земледелию и учащимся. В 1915 г. при найхинской, торгонской, кондонской и наанской школах были огороды и создана опытная пасека³⁰, обработка огородов, сбор урожая производились силами учащихся.

При наделении нанайцев земельными участками на каждую мужскую душу отводили на общинных началах по 5 десятин земли или по 15 на семью³¹. Уссурийская землеустроительная партия в 1900 г. отвела для огородов тазам 554 десятины; нанайцам в 1902 г. — 12 988, в 1903 г. — 240, в 1907 г. — 180 десятин земли³². В нанайский язык вошли слова, связанные с огородничеством: *соха, борона, брюква, морковь, капуста, репа, редиска* и др. Но земледелие в дореволюционной России у коренных народов Амура и Усури не получило широкого распространения и было лишь первым шагом по пути ознакомления с новыми, более продуктивными отраслями хозяйства.

Миссионеры делали попытки расширить знакомство нанайцев с различными ремёслами: плотническим, столярным, обработкой металлов и пр. Некоторые из них они освоили во время строительства церквей, часовен, помещений под миссионерские школы, пансионаты, жилые дома для священников. В конце XIX в. строительные работы производились обычно нанайцами под руководством русского опытного плотника или столяра³³. В ряде стойбищ нанайцы стали строить себе дома и хозяйственные постройки русского срубного типа из брёвен³⁴. В конце XIX в. гиляки (нивхи) начали строить жилища из толстых брёвен и с потолками, а некоторые даже в «лапу» и «в угол» (приёмы срубной техники у русских. — Ю.А.). Появились жилища с окнами из стёкол вместо рыбьей шкуры; у многих — керосиновая лампа, внутренние перегородки и железные камин³⁵. В начале XX в. в домах зажиточной части представителей нижеамурских народов можно было увидеть полы и наличники окон, окрашенных масляной краской, зеркала, лампы с абажурами и др.³⁶ Постепенно прививалась и санитария³⁷.

Большое значение в улучшении повседневного быта аборигенов имело школьное образование. Православные миссионеры наряду с распространением христианства создавали для детей аборигенов миссионерские церковноприходские школы, финансируемые православной церковью и Православным миссионерским обществом. Школы должны были подготовить учащихся к восприятию христианской веры и распространению её среди родителей и сородичей. Церковь рассматривала образование и школу как средство для русификации коренных народов, успешного приобщения населения к православной религии в целях «...поднять уровень религиозной и нравственной жизни...»³⁸ местных народов.

Первая школа для нанайских детей (на 30 чел.) открылась в 1865 г. в с. Софийском. В ней преподавали русскую грамоту, четыре правила арифметики, Закон божий. Летом мальчики занимались огородничеством и рыбной ловлей, зимой обучались столярному, плотничьему и токарному мастерству³⁹. По описанию П. Кудрявцева они «...имели тип небольших школ грамоты и функционировали только периодически, а не постоянно. Существование их всецело зависело только от личного желания и усердия духовенства, которое бесплатно и одевало, и учило, и кормило учеников»⁴⁰. Нанайские дети жили в пансионатах при школах, которые содержались на средства миссии⁴¹. С 1885 г. на нужды миссионерских школ Приамурья Синод ежегодно выдавал дотацию в размере 8 тыс. руб.

Обучение вели сами миссионеры, священники или наёмные учителя. Детей аборигенов в школах было немного, судя по отчёту Камчатской духовной миссии, гольды «...туго отдают детей в миссионерскую школу»⁴². Нивхи в конце XIX в. также неохотно отправляли детей в школы, но уже не с таким страхом, как прежде⁴³.

В миссиях были организованы так называемые «гиляцкий» и «гольдский» отделы, в каждый из которых входило по несколько миссионерских школ. В гольдском отделе обучалось 125 детей (гольдских мальчиков и русских мальчиков и девочек)⁴⁴. Кроме Закона Божьего священник и псаломщик преподавали чтение, письмо, арифметику и церковное пение. В некоторых школах дополнительно к этому ученики знакомились с отечественной историей и географией. При миссионерских школах были открыты ремесленные отделения, где обучали бондарному и сапожному мастерству. В церковноприходской школе с. Мариинско-Успенского бондарное ремесло гилякским детям бесплатно преподавал русский крестьянин Александр Сысоев⁴⁵, объединяя обучение ремеслу и общение с русской культурой в повседневной жизни.

Христианизация коренных народов Приамурья и Приморья оказала своё влияние на их семейный быт и обряды, связанные с рождением, свадьбой, похоронами. Она нередко наносила удар по обычаям нанайцев, способствовала распаду родовых отношений и формированию территориальных связей, независимых от этнической принадлежности людей.

В программе деятельности священников-миссионеров Благовещенской епархии обращалось особое внимание на борьбу с многожёнством, улучшение демографического потенциала, в частности положение женщины⁴⁶. По просьбе миссионеров поступило распоряжение всем начальникам округов о сооружении для рожениц «небольших юрт с тёплыми нарами»⁴⁷. Сильны были многовековые привычки, обычаи и обряды. В частности, женщины по традиции рожали в отдельно построенных шалашах. Церковь и миссионеры боролись против полигамии коренных народов и утверждали моногамный брак. Все браки, заключённые «в язычестве» крещёными аборигенами, не признавались церковью. Расторжение брачных уз без разрешения церкви считалось невозможным. Однако искоренить полностью прежние обычаи у крещёных нанайцев длительное время не удавалось. Особенно трудно было миссионерам бороться с многожёнством, которое практиковалось среди зажиточных нанайцев.

Православная церковь поддерживала смешанные браки. Гетерогенные браки в значительной степени способствуют взаимовлиянию культур, приобщению к иноэтничному повседневному быту, ускорению адаптации переселенцев к чуждой этнической среде. Однако, несмотря на многостороннее общение русских с коренными народами в хозяйственной деятельности, материальной и в определённой степени духовной культуре, различия в социальной организации и быте, жизненном укладе, религиозных воззрениях были настолько велики, что в дореволюционный период почти не было смешанных официальных браков. Они получили определённое распространение в годы советской власти, до революции были лишь единичные случаи⁴⁸. Чаще и русские, и аборигены прибегали к услугам друг друга при крещении младенца от гомогенных браков, т.е. выступали как восприемники. Так, у родившейся в августе 1886 г. в семье гольда из дер. Позоха Акакия Ходжэ и жены его Дарьи Печихэ (оба православные) дочери Евдокии восприемниками были крестьянин Хунгарийского селения Кирилл Антонов Пастухов и жена священника⁴⁹. Вместе с обрядом крещения нанайцы получали русские имена. Обряд крещения предполагал получение крёстного отца и крёстной матери из числа русских или крещёных нанайцев. Таким образом, родственный слой нанайцев формально пополнялся русскими крёстными отцами и матерями. Известны случаи, когда нанайцы получали не только русские имена, но и брали фамилию крёстного отца. Таково происхождение нанайской фамилии Ушаковы (бывшие Хэзэра), Бирюковы (бывшие Фусхара), Лесниковы (бывшие Дункай)⁵⁰ и др.

Православная церковь стремилась защитить свою паству из числа коренных народов в случаях определённых недоразумений в семейном быту, вместе с администрацией вставая на защиту семейных уз, скреплённых церковным браком. В 1882 г. Михаил Оненко из с. Сандаки обратился

в Камчатскую епархию и губернатору Приморской области с жалобой на некрещёных нанайцев Уаханчу и Чикири, которые похитили его жену Марию. Были посланы казаки, вернувшие Марию мужу⁵¹.

Гораздо слабее, чем гендерные отношения, происходили изменения в духовной культуре и связанной с ней обрядовой практике. Сами члены Православного миссионерского общества признавали, что большая часть инородцев «...это христиане только по имени, весь же жизненный уклад их по-прежнему остаётся языческий. Начальных, основных истин христианского вероучения они не знают, и хотя соблюдают нередко христианские церковные обряды, но делают это без ясного сознания их важности и значения, внешне механически...»⁵² Недаром известный исследователь коренных народов Приамурья В.В. Солярский, познакомившись с бытом народов Нижнего Амура в 1916 г., писал, что они, в сущности, остались шаманистами⁵³.

Одна из особенностей распространения христианства у коренных народов (использование культов и предметов новой веры) заключалась в том, что закрытые для шаманства верования связывались с промысловыми и семейными культами в повседневной жизни. Взаимодействие христианских обычаев и обрядов в области шаманизма сопровождалось острой конфликтной ситуацией и нередко заканчивалось открытой борьбой, в которой победа христианского вероучения имела лишь внешний характер. Так, миссионеры, увидев идолов, непременно их уничтожали, но как только они удалялись, изображения идолов восстанавливались.

В большинстве случаев молитвы, читаемые представителями коренных народов, принявшими крещение, отличались от канонизированных. Аборигены не превозносили того или иного святого, а лишь просили у него удачи на промыслах или в каких-нибудь начинаниях. В повседневной жизни коренные народы Приамурья придерживались своих языческих обычаев и обрядов — состояли в браке, допускающем многожёнство, умерших в редких случаях погребали по христианскому обычаю и др. Таким образом, у аборигенов христианские верования приспособивались в основном к производственно-бытовым условиям жизни.

И всё же православная религия оказала определённое влияние на мировоззрение аборигенов, их духовную культуру. У нанайцев появилось понятие о Верховном боге наряду с собственным верховным божеством (Эндури), некоторые святые христианской церкви приравнивались к покровителям природы, зверей, местности. Ликам святых поклонялись, как своим идолам. Под влиянием миссионеров произошли некоторые изменения в погребальном культе. Например, для умерших нанайцев сооружали наземные погребальные домики, семейные усыпальницы. В их честь изготовляли деревянные изображения, им приносили жертвы, просили удачи, отправляясь на промысел⁵⁴. Миссионеры и священники вели

борьбу с этим обрядом и требовали прежде всего захоронения умерших в земле по христианскому обычаю. Частично им это удавалось. На захоронении в земле настаивали также врачи и администрация Приамурского генерал-губернаторства, так как периодически повторяющиеся эпидемии кори, дифтерита, оспы, тифа обусловили высокую смертность среди коренного населения. В конце XIX в. усыпальницы стали ставить над могилой захороненного в земле. Произошло как бы сочетание традиционных форм погребения с православной. Изменения коснулись и внешнего облика захоронения нанайцев. Они стали напоминать своей наземной частью захоронения соседних с ними народов, в том числе русских.

У аборигенов-христиан складывалось своеобразное раздвоенное понятие о религиозных верованиях, что в известной степени подрывало воздействие на них христианства. Религиозная сущность оставалась для аборигенов неизвестной, чуждой, не соответствовала уровню их духовного развития. Усвоение православными крещения было в основном формальным. В христианской вере их привлекала внешняя сторона обрядов. Лики святых, изображённых на православных иконах, они воспринимали как покровителей своей промысловой деятельности, видели в них добрых и злых духов.

Христианизация коренных народов Дальнего Востока была завершена лишь формально, как идеологическая надстройка не получила среди аборигенов сколько-нибудь широкого распространения. Во второй половине XIX — начале XX в. под влиянием православия складывался синкретизм религиозных воззрений коренных народов дальневосточного региона. Наряду с православными обычаями у аборигенов продолжали существовать доклассовые религиозные воззрения, проявлявшиеся в шаманизме. Таким образом, влияние православия на традиционную религию коренных народов южной части дальневосточного региона носило внешний, формальный характер и лишь частично затронуло их мировоззрение. Зато сопутствующие христианизации явления оказали определённое положительное влияние на повседневный быт, социально-экономическую жизнь, материальную и отчасти духовную культуру аборигенов.

¹ Православный благовестник. 1908. № 20. С. 140.

² РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 94. Л. 26.

³ Православный благовестник. С. 190.

⁴ Сем Ю.А. Христианизация нанайцев, её методы и результаты // Христианизация и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1979. С. 201.

⁵ Труды православных миссий Восточной Сибири. Иркутск, 1884. Т. 2. С. 135—138.

⁶ Православный благовестник. С. 192.

⁷ Православный благовестник. 1913. № 23/24. С. 57—58.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1449. Л. 23.

⁹ Там же. Д. 1620. Л. 32.

- ¹⁰ Тихвинский С. Записки миссионера // Благовещенские епархиальные ведомости. 1912. № 8/9. С. 208.
- ¹¹ Камчатские епархиальные ведомости. 1895. № 14. С. 287.
- ¹² Труды православных миссий Восточной Сибири. С. 13.
- ¹³ Там же. С. 426.
- ¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 833. Л. 17.
- ¹⁵ Сем Ю.А. Христианизация нанайцев, её методы и результаты. С. 202.
- ¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 935. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Д. 94. Л. 23 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 356. Л. 1 об.
- ¹⁹ Крапоткин П.А. Дневники разных лет. М., 1992. С. 190.
- ²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442, Д. 786. Л. 15.
- ²¹ Там же. Ф. 702. Оп. 3. Д. 55. Л. 56 об. — 57 об.
- ²² Там же. Ф. 1011. Оп. 1. Д. 626. Л. 9.
- ²³ Труды православной миссии Восточной Сибири. С. 430.
- ²⁴ Смоляк А.В. Ульчи. М., 1966. С. 22.
- ²⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 932. Л. 30.
- ²⁶ Камчатские епархиальные ведомости. 1897. № 14. С. 290.
- ²⁷ Там же. 1898. № 10. С. 178.
- ²⁸ Православный благовестник. 1901. № 21. С. 219.
- ²⁹ Там же. 1897. № 19. С. 106.
- ³⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 193. Л. 414; Д. 563. Л. 44 об.
- ³¹ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 44. Л. 15.
- ³² РГИА. Ф. 391. 1906 г., оп. 3, д. 270, л. 21 об., 23.
- ³³ Там же. Ф. 796. Оп. 422. Д. 2014. Л. 93.
- ³⁴ Там же. Ф. 391. 1908 г. оп. 3, д. 1181, л. 174 об.
- ³⁵ Камчатские епархиальные ведомости. 1896. № 14. С. 290, 297.
- ³⁶ Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1975. С. 213—214.
- ³⁷ Камчатские епархиальные ведомости. 1898. № 11. С. 193.
- ³⁸ Там же. 1897. № 14. С. 297.
- ³⁹ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 96. Л. 63; Сем Ю.А. Христианизация нанайцев, её методы и результаты. С. 221.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 702. Оп. 3. Д. 193. Л. 117.
- ⁴¹ Там же. Л. 177 об.
- ⁴² Камчатские епархиальные ведомости. 1895. № 15. С. 309.
- ⁴³ Там же. 1896. № 14. С. 297.
- ⁴⁴ Протоиерей А. Отчёт о состоянии и деятельности Камчатской духовной миссии за 1898 год // Благовещенские епархиальные ведомости. 1899. № 13. С. 217—218. Подсчит. авт.
- ⁴⁵ Камчатские епархиальные ведомости. 1897. № 14. С. 297.
- ⁴⁶ Приамурские ведомости. 1902. № 467. С. 12.
- ⁴⁷ РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.
- ⁴⁸ ГАХК. Ф. И-85. Оп. 44. Д. 31. Л. 68 об.—69; Д. 209. Л. 210 об.—211.
- ⁴⁹ Там же. Д. 69. Л. 5 об.—6, 7 об., 8; Д. 71. Л. 13 об., 14.
- ⁵⁰ Сем Л.И. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский диалект). Л., 1976. С. 11.
- ⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1914. Л. 457—460.
- ⁵² Православный благовестник. 1913. № 23/24. С. 55.
- ⁵³ Солярский В.В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев в Приамурском крае. Хабаровск, 1916. С. 156.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2014. Л. 84.